

О сочиненіяхъ Николая Саввича Тихонова.

(Замѣтка).

Сочиненія Николая Саввича Тихонова. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1898. Т. I. Древняя русская литература; т. II. Русская литература XVII и XVIII вѣковъ; т. III, ч. 1-я. Русская литература XVIII и XIX вѣковъ.

Изданіе сочиненій покойнаго Николая Саввича Тихонова, не совсѣмъ еще законченное, надо признать являемымъ, заслуживающимъ разносторонняго вниманія. Эти три тома, въ которые вошли статьи, изданныя въ разное время самимъ авторомъ, а также и не появлявшіяся въ печати, представляютъ собой пособіе не только по исторіи русской литературы, но и по исторіи гражданской, по исторіи русской культуры вообще и, наконецъ, по исторіи русской церкви. Настоящая замѣтка касается сочиненій Тихонова только со стороны ихъ интереса для послѣдней науки. Мы имѣемъ въ виду указать церковно-историческое содержаніе вышедшихъ томовъ ¹⁾, отмѣтить, какіе церковно-историческіе вопросы разработывалъ покойный ученый и какъ онъ ихъ рѣшалъ, для какихъ вопросовъ онъ намѣтилъ программу работъ, или высказалъ вѣское замѣчаніе; однимъ словомъ, мы намѣрены здѣсь собрать по возможности все то, съ чѣмъ въ изданныхъ теперь сочиненіяхъ Тихонова долженъ считаться историкъ русской церкви.

Тихоновъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ тружениковъ, которымъ научная добросовѣтность, уваженіе

---

¹⁾ Содержаніе второй части III тома объявлено (см. предисловіе къ 1-й части III тома). Въ нее не войдетъ ни одной работы, имѣющей отношеніе къ исторіи русской церкви и, значить, къ настоящей замѣткѣ.

къ печатному слову, а, можетъ быть, еще и педуги воли препятствовали высказаться вполне въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Многія его работы не увидали свѣта, хотя были приготовлены къ печати, другія, начатыя изданіемъ, остались недоконченными, третьи, какъ цѣлый рядъ университетскихъ курсовъ, и не предназначались для читающей публики. Вѣроятно, не мало осторожныхъ обобщеній, а еще болѣе вѣскихъ и тонкихъ соображеній, на которыя былъ такой мастеръ Николай Саввичъ, заключаютъ его не изданные труды. Поэтому его характеристика, какъ ученаго, на основаніи только изданныхъ сочиненій, не можетъ быть полна.

Тихонравовъ былъ самостоятельный и оригинальный ученый. Онъ выбиралъ трудные и сложные историко-литературные вопросы и обрабатывалъ ихъ на основаніи обширнаго знакомства съ рукописными источниками. Признавая главнымъ предметомъ изученія исторіи литературы литературныя произведенія массы, многоразличныя проявленія національности въ словѣ, Тихонравовъ не успѣлъ выполнить своей задачи всецѣло относительно исторіи русской литературы. Профессоръ В. О. Ключевскій, бывший ученикомъ, потомъ сослуживцемъ Николая Саввича, такъ опредѣляетъ содержаніе его научной дѣятельности и печатныхъ трудовъ. „Припоминая, о чемъ всего охотнѣе говорилъ онъ въ частныхъ бесѣдахъ и сопоставляя это съ содержаніемъ печатныхъ сочиненій, я думаю, что такимъ предметомъ его спеціального изученія былъ вопросъ о двухъ вліяніяхъ, византійскомъ и западнымъ, которыя одно за другимъ особенно сильно подѣйствовали не только на нашу литературу, но и на весь складъ жизни нашего общества. Онъ съ усиленнымъ вниманіемъ останавливается на явленіяхъ, въ которыхъ особенно явственно сказывалось дѣйствіе этихъ вліяній, или противодѣйствіе имъ. Этимъ интересомъ, думается мнѣ, объединяются его печатные труды, видимо столь разнообразныя по своимъ темамъ и казавшіеся плодами случайныхъ находокъ въ рукописяхъ. Все это частичныя работы надъ однимъ цѣльнымъ предметомъ, надъ вопросомъ о двухъ вліяніяхъ“ ¹⁾). Таково содер-

¹⁾ *Пытлина*. Н. А. Тихонравовъ и его научная дѣятельность, въ I т. сочиненій Тихонравова, LXXXV стр.

жаніе сочиненій Тихонравова: изслѣдованіе литературныхъ произведеній массы, въ которыхъ отразилось вліяніе Византіи, а потомъ европейскаго запада. Методъ, который примѣнялъ Тихонравовъ въ своихъ научныхъ работахъ, былъ строго-аналитическій (методъ Тэна). Отличный знатокъ рукописей, Николай Саввичъ отправлялся въ своихъ изслѣдованіяхъ непремѣнно отъ документа. Онъ тщательно изучаетъ, какія литературныя произведенія послала Византія, или южно-славянскія страны, а потомъ европейскій западъ въ народную массу, и слѣдитъ за отраженіемъ этихъ произведеній на народномъ творествѣ, особенно на религіозной поэзіи, которая въ древнее время Руси слагалась подъ опредѣленіями византійской литературы ея образовъ и воззрѣній ¹⁾, или — на церковныхъ явленіяхъ. „Почти каждое изъ этихъ произведеній, зашедшихъ изъ Византіи и другихъ странъ, по словамъ Тихонравова, имѣетъ свою многовѣковую исторію; почти каждое изъ нихъ вошло въ кругъ народныхъ книгъ, переплелось на новой почвѣ своими далеко раскинутыми корнями съ самостоятельными произведеніями словесности народа, ихъ усвоившаго, бросило свои ростки въ устную поэзію народа, врѣзалось въ его легенды и сказанія“ ²⁾. Такъ широко ставилъ Тихонравовъ изученіе русской литературы. Но покойный ученый мало останавливался на изученіи самобытнаго народнаго творчества (напр., мифологіи), котораго не коснулось то или иное иноземное вліяніе, которое не поддается научному разложенію на элементы и отсутствуетъ въ рукописяхъ.

Вопросы, которые опредѣлили ходъ работъ покойнаго ученаго, въ сущности выходили за предѣлы исторіи литературы въ строгомъ смыслѣ слова: они сближали его работы съ наукой исторіи русской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, первый вопросъ о вліяніи Византіи касается исторіи нашей церкви больше, чѣмъ какой-либо другой науки, потому что вліяніе Византіи было главнымъ образомъ религіозное и шло черезъ церковь; другой вопросъ, вопросъ о вліяніи запада стоитъ въ связи съ исторіей раскола, духовнаго просвѣщенія въ XVII—XVIII вв., и съ другими важными

---

¹⁾ I т., 66.

²⁾ I т., 61.

церковно-историческими явлениями. Работы Николая Саввича по этим вопросам представляют тѣмъ большее значеніе для историка русской церкви, что онѣ имѣютъ въ виду вѣрующую народную массу, касаются исторіи внутренней церковной жизни, такъ слабо разработанной въ спеціальной церковно-исторической литературѣ.

Несомпѣнно, наибольшій интересъ въ I томѣ сочиненій Тихонова имѣетъ въ первый разъ появившеся въ печати неоконченное изслѣдованіе: „Отреченныя книги древней Руси“. (Предисловіе и семь очерковъ). Эти книги, запрещенныя церковью и бывшія любимымъ чтеніемъ народа, оставили неизгладимый слѣдъ въ народномъ міросозерцаніи и бытѣ. Онѣ появились на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ и живутъ доселѣ. „Усвоенныя народомъ, для котораго онѣ замѣняютъ часто священное писаніе, онѣ слышатся и теперь въ строгомъ „стихѣ“ слѣпыхъ нищихъ, въ простодушной легендѣ, въ темныхъ суевѣріяхъ и въ тонкостяхъ невѣжественно догматизирующаго раскольника“¹⁾. Въ своемъ изслѣдованіи Николай Саввичъ останавливается на тѣхъ только отреченныхъ книгахъ, которыя играли какую-либо роль въ исторіи народнаго быта и принимали извѣстное участіе въ развитіи и судьбахъ древней русской литературы и предоставляетъ специалистамъ изслѣдованіе апокрифовъ, уходящихъ въ сферу богословскихъ вопросовъ, или въ область исторіи русской церкви²⁾. Но, не смотря на это, его работа по такому важному вопросу нашей древней духовной письменности весьма интересна для исторіи русской церкви.

Названіе „отреченныя книги“ довольно обширно. Оно обнимало два разряда письменности: апокрифическія произведенія и отреченную письменность въ собственномъ смыслѣ слова. Апокрифическія произведенія входили въ составъ древней христіанской литературы, и осуждались церковью частію только за названіе ложное, частію потому, что онѣ служатъ отголоскомъ нѣкоторыхъ христіанскихъ ересей. Разрядъ отреченныхъ книгъ въ собственномъ смыслѣ „весь слагается изъ оригинальныхъ произведеній русскихъ, серб-

1) I, 127—128.

2) I, 154.

скихъ и болгарскихъ, въ которыхъ выражается древнее язычество... Басни, сказки, заговоры (т. е. ложныя молитвы), примѣты, гаданія—таково содержаніе второго отдѣла“¹⁾. *Первый* очеркъ имѣетъ вводное значеніе. Отреченная литература шла на Русь тремя путями изъ Византіи, Болгаріи съ Сербіею и Іерусалима. Ее переносили оттуда и распространяли въ народѣ *паломники, калки, перехожіе*, классъ людей, интересный въ исторіи нашей церкви и самъ по себѣ. Тихонравовъ останавливается на немъ въ мастерской характеристикѣ²⁾. Для историка русской церкви въ этомъ отдѣлѣ есть любопытная подробность. Говоря о борьбѣ древняго русскаго духовенства съ злоупотребленіемъ паломничествомъ, Тихонравовъ приводитъ по рукописи XIV вѣка слова изъ посланія Іосифа къ дѣтямъ и братіи („поклонъ и благословеніе отъ есифа къ дѣтемъ моимъ и братіи моей“), направленный противъ этого обычая. Авторомъ посланія онъ считаетъ кievскаго митрополита Іосифа, современника монгольскаго нашествія³⁾.

Отреченныя книги пользовались большою распространенностью и борьба съ ними была очень трудна. *Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, имѣвшая въ виду полное перечисленіе отреченныхъ книгъ и предостереженіе отъ нихъ древнихъ русскихъ читателей, явилась сравнительно поздно; притомъ же она не вносила „систематическаго, строго проведеннаго разграниченія отреченныхъ книгъ отъ истинныхъ“⁴⁾. Индексъ предостерегалъ отъ вѣры въ апокрифическіе рассказы объ Енохѣ, Адамѣ, Ламехѣ и др. и самъ-же помѣщалъ въ число истинныхъ книгъ „Палею“, въ

1) I, 128—129.

2) 132—138. Таже характеристика повторяется имъ въ рецензіи на книгу *Безсонова*, „Калки перехожіе“, I 331—334. Кстати Николаю Саввичу принадлежитъ открытіе новаго неизвѣстнаго прежде паломника „хождение священноинокъ Варсонофія ко св. граду Іерусалиму“ въ 1456 и въ 1461—62 гг. Предисловіе Николая Саввича къ первому хожденію помѣщено въ I т. (стр. 282—299), а текъ тѣ съ тѣмъ же предисловіемъ и предисловіемъ С. Долгова изданъ въ 45 вып. Православнаго Палестинскаго Сборника 1896 г. Это открытіе имѣетъ важное научное значеніе главнымъ образомъ для исторіи палестинскихъ святынь.

3) 24 стр. второго счета прим. 12.

4) I, 154.

которой всё эти статьи систематически собраны ¹⁾. „Напрасно духовенство старалось сбить съ поля эту враждебную письменность: оно часто не узнавало даже своего врага, если только дружеское забрало скрывало его лицо. Подложныя поученія и другія сочиненія, смѣло назвавши себя поученіями отъ св. отецъ, или словомъ Златоуста, легко избѣгали церковнаго отреченія и почитались даже наравнѣ съ твореніями св. отцовъ. Подобныя поученія не вносились въ списокъ запрещенныхъ книгъ; мало того, считались даже книгами истинными“ ²⁾ Въ примѣчаніяхъ къ очеркамъ разсыпана масса данныхъ, подтверждающихъ эту мысль. Оказывается, что отреченная и апокрифическая письменность оставила замѣтные слѣды въ самыхъ употребительныхъ древне русскихъ книгахъ для чтенія—въ Прологѣ, Измарагдѣ, Златоустѣ, Четь-Минейяхъ. Статья о книгахъ и не совсѣмъ точно отражала наличный составъ отреченной письменности, указывая, напр., на апокрифы, которыхъ никогда не было на Руси и даже въ славянскихъ переводахъ, а съ другой перечень отреченныхъ книгъ далеко не исчерпывалъ всего объема запрещенной литературы ³⁾. Не смотря на это, статья представляетъ высокій интересъ для изслѣдователя. Она, хотя не полно, всетаки представляетъ исторію ложныхъ писаній; но Тихонравовъ ставитъ ее въ связь и съ исторіей духовнаго просвѣщенія и съ литературными движеніями древней Руси. Такимъ образомъ изученіе статьи по редакціямъ разныхъ вѣковъ привело ученаго къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Представляя собой третій отдѣлъ статьи патріарха Анастасія Синаита († 599), перечисляющій апокрифическія книги, а потомъ, вѣроятно, въ XI в. среди южныхъ славянъ въ эпоху развитія Богомильской ереси дополненный апокрифическими статьями греческими и болгарскими, списокъ отреченныхъ книгъ встрѣчается у насъ впервые въ Помоканонѣ XIV в. и былъ распространенъ въ Россіи въ то время, какъ стали расхождиться въ древней русской литературѣ и еретическіе апокрифы греческаго и славянскаго происхожденія, за-

¹⁾ I, 153.

²⁾ I, 301.

³⁾ I, 301.

прещавшіеся въ немъ. Митрополитъ Кипріанъ дополнилъ болгарскій индексъ новымъ отдѣломъ „богоотметныхъ и ненавидимыхъ книгъ“, книгъ свѣтскаго содержанія, въ которыхъ излагались суевѣрныя примѣты, не одобряемыя служителями христіанской церкви (громовники, колядники и разныя другія гадательныя книги). Въ молитвенникѣ Кипріана первый разъ неканоническія книги ставились на одну доску съ богоотметными суевѣрїями; слово „апокрифическая“ книга смѣшалось съ понятіемъ „запрещенной“ книги. Статья этого митрополита имѣла обязательную силу для послѣдующихъ пастырей русской церкви; она и разрасталась въ направленіи, имъ указанномъ.

XV и начало XVI вѣка на Руси, по мнѣнію Тихонравова, были временемъ „самаго полнаго и блистательнаго развитія богословской литературы“. Отсюда списокъ книгъ этого времени въ отдѣлѣ истинныхъ увеличивается указателемъ къ своей духовной литературѣ, къ переводнымъ произведеніямъ отцовъ и русскимъ писателямъ и писаніямъ, а въ отдѣлѣ книгъ ложныхъ исключень перечень гадательныхъ книгъ, въ то время не особенно обширный. Съ конца XV вѣка вліаніе византійской догмы на Руси слабѣетъ. Въ нашу словесность робко пробивается новое латинское начало. Приверженцы и питомцы старины, Стоглавъ и Домострой предостерегаютъ благочестивыхъ христіанъ отъ этихъ западныхъ новизнъ. Отъ того индексъ отреченныхъ книгъ пополняется указаніемъ на западно-европейскія народныя книги. Горячая полемическая дѣятельность приверженца византійской науки преподобнаго Максима Грека оставляетъ также ясныя слѣды въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Въ нее вносятся книги западнаго происхожденія, противъ которыхъ онъ вооружался. Гадательная литература развивается особенно въ это время, такъ какъ византійская образованность слабѣла, а западно-европейская была еще слаба. Отсюда статья расширяетъ главу о гадательныхъ книгахъ и суживаетъ объемъ книгъ истинныхъ, исключая изъ нихъ такія, которыя прежде пользовались непререкаемымъ авторитетомъ. — Въ концѣ XVI вѣка обработка статьи объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ была кончена; въ XVII статья не подвергалась никакимъ передѣлкамъ и дополненіямъ и въ такомъ видѣ была за-

крѣплена въ Кирилловой книгѣ. Русская жизнь и мысль пошли теперь по новому.

Второй очеркъ посвященъ изслѣдованію Палса, *третьей* повѣсти о Китоврасѣ и имѣють чисто историко-литературный интересъ. Здѣсь нужно отмѣтить только наблюденіе Тихонравова, что Толковая Палея оставила вліяніе на словѣ митрополита Иларіона „о законѣ и благодати“ именно въ символической параллели между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Это слово (какъ и Толковая Палея), по его мнѣнію, могло имѣть ближайшее примѣненіе въ XI вѣкѣ къ населенію Кіева, въ которомъ много было жидовъ ¹⁾.

Четвертый и *пятый* очерки важны для исторіи древнерусскаго религіознаго міросозерцанія ²⁾. Въ первомъ излагаются языческія преданія о загробномъ мірѣ въ связи съ обрядами погребенія въ семьѣ арійскихъ народовъ и отраженіе этихъ вѣрованій въ словесности, во второмъ—христіанскія преданія на Руси о загробной жизни: видѣнія и откровенія и хожденія по мукамъ. Выводъ очерковъ тотъ, что „отреченныя“ хожденія, запедшія извнѣ, нашли на Руси точки соприкосновенія и опоры въ давнихъ народныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ и дали послѣднимъ новый смыслъ, нанеши на нихъ христіанскій оттѣнокъ. Но эти хожденія принесли и нѣсколько новыхъ представленій, которыя сгруппировались въ нихъ подъ различными вліяніями. Въ греческихъ хожденіяхъ перемѣшались понятія и вѣрованія языческія, іудейскія съ христіанскими.

Въ слѣдующемъ *шестомъ* очеркѣ излагаются церковно-историческія событія XIV и XV вв., въ которыхъ Тихонравовъ открылъ связь съ господствомъ апокрифической письменности на Руси и частице—апокрифическихъ представленій о загробной жизни и о концѣ міра. Это—*ересь стригольниковъ, споръ о землемъ раи въ Твери, а потомъ ересь жидовствующихъ*. Тихонравовъ раздѣлялъ мнѣніе другихъ историковъ о великомъ вліяніи на психологію народ-

¹⁾ I, 164, прим. 35. Подобный взглядъ на слово Иларіона имѣлъ покойный профессоръ Малышевскій, который видѣлъ въ немъ полемическій трактатъ противъ жидовъ.

²⁾ Тоже самое надо сказать и о *седьмомъ* очеркѣ, гдѣ излагается народное представленіе о св. Егоріи, вышедшемъ изъ апокрифа о Θεодорѣ Тиронѣ и языческой національной основы.

ныхъ массъ моровыхъ повѣтрій. Присутствіемъ великой опасности повальныя болѣзни усиливаютъ все то, что только лежитъ въ человѣкѣ, доброе или злое; при нихъ возстаетъ весь внутренній человѣкъ, точно при видѣ мрачной опасности ¹⁾. Въ XIV вѣкѣ „черная смерть“ прошла по всей Европѣ и вызвала въ Германіи секту гейслеровъ (хлыстовъ), или „крестовыхъ братьевъ“, а у насъ на Руси (во Псковѣ и Новгородѣ) ересь стригольниковъ. Можно положительно утверждать, что стригольники были не иное что, какъ „крестовые братья“—хлысты германскіе; ихъ ученіе *во всемъ вполне* совпадаетъ съ мнѣніями пѣмекскихъ хлыстовъ, что и доказывается рядомъ сопоставленій. Ересь стригольниковъ была, такимъ образомъ, вызвана западнымъ вліяніемъ ²⁾. Эти секты, возникшія подъ вліяніемъ потрясенія, произведеннаго чумой, стремились покаяніемъ избавиться отъ пороковъ, примириться съ Богомъ, жестокимъ самоистязаніемъ искупить грѣхи. Церкви, іерархіи, кочевнѣвшимъ въ мертвыхъ формахъ, онѣ объявили войну ³⁾. Таковъ смыслъ ереси стригольниковъ. При тревожномъ настроеніи умовъ во время злой язвы съ новой силой воспрянули на Руси сказанія объ адскихъ мученіяхъ. Появляются сказанія о видѣніяхъ загробной жизни рая и ада. Язва усиливала и злое въ людяхъ. Во время морового повѣтрія оставшіеся въ живыхъ бросаются на имущество умершихъ. Видѣнія и призываютъ ихъ къ благотворительности. Въ народѣ рѣзко намѣчаются теперь два теченія: одно представляетъ людей религіозно-настроенныхъ, спасавшихся въ монастыряхъ, или запуганныхъ изуверовъ, другое — матеріалистовъ, которые бросились въ разгульный эпикуреизмъ и хотѣли забыть ужасы настоящаго въ чаду дикой оргіи. Такъ было въ Европѣ, гдѣ въ то время писали Дантъ и Боккачіо, тоже повторилось и у насъ. Во второй половинѣ XIV столѣтія, на Руси съ одной стороны усиливается монашество, и появляются стригольники, съ другой развивается необузданное пьянство. Среди послѣдняго разряда людей на Западѣ возникаетъ юмористическое

¹⁾ I, 133—135 стр. второго счета.

²⁾ I, 54.

³⁾ I. 135 стр. второго счета

отношеніе къ представленіямъ о загробной жизни, а на Руси, которой было далеко до глубокихъ юмористическихъ воззрѣній, появляется ересь — споръ въ Твери о земномъ раѣ, а потомъ отрицаніе о загробной жизни и мученій грѣшниковъ. Такова связь явленій. Тверской споръ о раѣ вызываетъ извѣстное посланіе новгородскаго епископа Василія о раѣ къ тверскому владыкѣ Ѳеодору, въ которомъ приводятся устные и книжныя доказательства существованія земного рая. Послѣднія связаны изъ апокрифовъ. Послѣ этого въ Твери возникаетъ снова ересь отрицателей земного рая, которые, кромѣ того, проповѣдывали противъ монашества и имѣли успѣхъ. Въ то же время является мнѣніе, что грѣшнымъ не будетъ муки, что загробной жизни нѣтъ. Надо признать, что изложенный взглядъ Тихонравова на событія церковной жизни Руси XIV вѣка проливаетъ сильный свѣтъ на это темное время нашей исторіи. Далѣе Тихонравовъ переходитъ къ ереси жидовствующихъ.

Не совсѣмъ вѣрное названіе ея онъ объясняетъ тѣмъ, что слово „жидовскій“ въ старину не имѣло у насъ того опредѣленнаго и тѣснаго значенія, какъ теперь ¹⁾. Жидовство было прямымъ продолженіемъ ереси стригольниковъ, что доказывается не только общностью идей, но и живымъ преемствомъ. Одинъ изъ первыхъ защитниковъ жидовской ереси Захаръ, называется у архіепископа Геннадія стригольникомъ и проповѣдуетъ ихъ мнѣнія. Въ ереси жидовствующихъ (какъ и въ стригольникахъ) надо видѣть опять таки вторженіе со стороны запада къ намъ на Русь, на этотъ разъ черезъ Литву и вольный Новгородъ. Описывая памятный въ исторіи этой ереси 1492 годъ, Тихонравовъ указываетъ тѣ апокрифическія сказанія, которыя усиливали ожиданіе конца міра именно въ это время: „слово“, приписываемое Меѳодію Патарскому, „о царствіи языкъ въ послѣднія времена и сказаніе отъ перваго человѣка до скончанія вѣка“, „житіе Андрея Юродиваго“. Конецъ міра по приведеннымъ сказаніямъ связанъ съ паденіемъ Царьграда. Послѣ паденія Константинополя въ 1453 году они явились созванію русскихъ людей непрерываемыми пророчествами, уже исполнившимися въ первой половинѣ. От-

¹⁾ I, 135—136 стр. второго счета.

сюда понятно торжество жидовства, когда страшный 1492 годъ прошелъ благополучно. Торжество увеличивалось еще тѣмъ, что жидовское лѣтосчисленіе, изложенное въ запрещенной тогда книгѣ „Шестокрыль“, показалось теперь русскимъ людямъ правильнѣе христіанскаго. Распространеніе этого отреченнаго произведенія въ средѣ жидовствующихъ развивало ихъ астрономическія суевѣрія, на которыя указываютъ наши источники. Весь очеркъ является блестящей иллюстраціей могучаго вліянія со стороны отреченной письменности на общественную мысль древней Руси.

Вопросу о литературномъ вліяніи европейскаго запада на Русь въ XVII и XVIII вв. посвящены статьи Николая Саввича, собранныя главнымъ образомъ во второмъ томѣ настоящаго изданія. Убѣжденный западникъ, Тихонравовъ очень широко и совершенно безпристрастно смотрѣлъ на историческій переворотъ, совершившійся въ Россіи въ концѣ XVII и XVIII вв. Свою *вступительную лекцію* по исторіи новой русской литературы онъ закончилъ такими словами: „по нашему убѣжденію исторія новой русской литературы должна начаться обзорѣніемъ второй половины XVII вѣка... Ставши живою картиною *всего* русскаго общества (а не высшаго только слоя его), она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его переливы одинъ въ другой и, сдѣлавши невозможными возгласы о насильственности реформы Петра и ни на чемъ не основанныя похвалы нашей древней жизни, укрѣпитъ и возвыситъ вѣру въ правдивную силу европейскаго просвѣщенія“¹⁾. Въ своихъ статьяхъ Тихонравовъ и ставилъ лицомъ къ лицу старыи и новый бытъ, насколько они отразились въ литературныхъ произведеніяхъ и историческихъ эпизодахъ того времени и съ научною объективностію разбирался въ нихъ. Впослѣдствіи начало періода новой литературы Тихонравовъ отодвигалъ еще дальше, ко второй половинѣ XVI вѣка, когда стало ясно сказываться раздвоеніе въ русскомъ обществѣ, когда поиспатались многіе обычаи и русская народность замѣтно подчинялась латинскому западу и когда, наконецъ, въ литературѣ и умственномъ движеніи Московской Руси ярко выразились симптомы тяжелой пере-

¹⁾ II, 10--11.

ходной эпохи раздвоенія, борьбы стараго идеала съ новымъ ¹⁾).

Защитниками стараго быта являются *раскольники-старовѣры*, за него „борется невидимая, незнаемая народная масса“ ²⁾). Относительно раскола этого центрального факта нашей церковно-исторической жизни до-петровскаго періода, Тихонравовъ высказалъ не мало поучительнаго. По его мнѣнію, расколъ обнаружился въ XVI вѣкѣ ³⁾. „Не былъ ли Стоглавъ выраженіемъ совершившагося раскола?“ многозначительно спрашиваетъ онъ. Происхожденіе этого явленія помогаетъ объяснить во многомъ исторія апокрифовъ и отреченной литературы. Расколъ „унаслѣдовалъ отъ древней Руси эту литературную отрасль и доселѣ въ своихъ заповѣдныхъ тетрадкахъ хранить это наслѣдіе родной старины“. „Для старовѣровъ отреченныя статьи сплелись неразрывно съ древнимъ православіемъ. Въ народѣ онѣ до сихъ поръ ходятъ подъ именемъ молитвъ и не отдѣляются отъ писанія“ ⁴⁾). Изученіе отреченной и апокрифической письменности „пролило бы *неожиданный свѣтъ* на это знаменательное явленіе въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія“ ⁵⁾). Этими соображеніями нашъ ученый указываетъ специалистамъ расколѣднія новую историко-литературную точку зрѣнія въ рѣшеніи не легкаго вопроса о происхожденіи раскола. Тихонравовъ не идеализировалъ русскаго раскола и его дѣятелей, къ чему были склонны нѣкоторые историки. По частному вопросу о раскольничьей сатирѣ XVII вѣка онъ говоритъ слѣдующее: „у этихъ людей несвободнаго сознанія, обрѣкшихъ себя добровольному китаизму въ сферѣ умственной и религіозной, она никогда не могла получить той художественной формы, той полноты содержанія, которыя бывають слѣдствіемъ свободнаго стремленія къ чистому идеалу. Самымъ источникомъ своимъ раскольничья сатира осуждена была на грубость формы и пустоту содержанія“ ⁶⁾). Какъ историка литературы, его расколъ ин-

¹⁾ II, 12 ср. I, 93.

²⁾ II, 40.

³⁾ I, 93.

⁴⁾ I, 155.

⁵⁾ I, 78, 75.

⁶⁾ II, 4

тересуетъ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ хранитъ литературныя преданія древней Руси ¹⁾. Изъ статей, касающихся раскола, помѣщена въ изданіи только одна „Боярыня Морозова“, — эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола, который, по словамъ Николая Саввича, „представляетъ въ довольно яркомъ свѣтѣ положеніе старой и новой партіи при царскомъ дворѣ въ XVII вѣкѣ“ ²⁾.

Борьба старовѣрства, его фанатическія возмущенія и бунты, по мнѣнію Тихонравова, вліяли на личность и реформу Петра. Но самую реформу XVIII вѣка онъ разсматриваетъ опять таки главнымъ образомъ съ точки зрѣнія исторіи литературы. Сущность литературнаго переворота этого времени состояла въ томъ, что въ литературѣ „замирали“ апокрифы и народное чтеніе предшествующей эпохи то въ своей старой формѣ, то въ формѣ силлабическихъ виршъ“, съ другой стороны „XVII вѣкъ дѣятельно развивалъ“ содержаніе прежней повѣствовательной литературы въ новыхъ формахъ, и переводныя повѣсти, любимое чтеніе народа, обновлялись и оживлялись мотивами устной народной словесности. Печатная, рукописная и устная словесность часто сплетались въ неразрывное цѣлое, книжная литература давала пищу народному творчеству, которымъ новое содержаніе и обрабатывалось подъ вліяніемъ стараго эпическаго склада; народныя произведенія въ свою очередь передѣлывались въ силлабическія вирши“ ³⁾. Это доказывается примѣрами. „Но литературное наслѣдіе XVII вѣка еще не кончило своей роли: стѣсненное и сбитое съ своего мѣста напоромъ новыхъ началъ, оно отодвинулось въ средній и низшій классъ народа и, какъ дорогое завѣщаніе допетровской старины, долго опредѣляло собою умственное и нравственное развитіе народа, мѣшая быстрому распространенію новыхъ воззрѣній и держа въ своей сильной опекѣ сознаніе массы“ ⁴⁾. Эти наблюденія, несомнѣнно, очень важны для исторіи петровской реформы. Изучая явленія новаго быта въ преобразовательную эпоху,

---

¹⁾ I, 133.

²⁾ II, 40.

³⁾ II, 4.

⁴⁾ II, 9.

Николай Саввичъ касается пѣмоцкой слободы въ статьѣ о *Ксиринѣ Кульманѣ*, этомъ иноземномъ сектантѣ—про-рокѣ, сожженномъ въ Москвѣ въ 1689 году; двѣ статьи онъ посвящаетъ исторіи русскаго театра, который „не былъ случайнымъ явленіемъ среди того могучаго движенія къ новому, которое обнимало русскую жизнь въ XVII столѣтіи... Возникновеніе театра при дворѣ Алексѣя Миханловича было однимъ изъ яркихъ знаменій новаго духа, разлагавшаго старую русскую косность и византійскую исключительность, которая столько вѣковъ сдерживала свободное развитіе творческихъ силъ русскаго народа“ ¹⁾. А для самого преобразователя театръ долженъ былъ служить тѣмъ, „чѣмъ была для него горячая искренняя проповѣдь Оеофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснить все-народному множеству истинный смыслъ дѣяній преобразователя“ ²⁾. Оеофана, этого сподвижника Петра, Николай Саввичъ затрогиваетъ только отчасти, разбирая его „трагедокомедію Владимірѣ“. Это произведеніе Прокоповича не начинается новаго періода въ исторіи кievской драмы, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, но оно характерно для самого автора. „Въ его трагедокомедіи уже сказались та свобода мысли, жажда новаго, смѣлость и рѣзкость слова, которыя такъ ярко выступили впоследствии въ литературной и общественной дѣятельности автора Духовнаго Регламента“ ³⁾. Гораздо болѣе посвящено вниманію другому видному церковно-историческому дѣятелю царствованія Петра I, митрополиту рязанскому и мѣстоблюстителю патриаршаго престола, Стефану Яворскому въ статьѣ „*Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій*“. Въ суровомъ мѣстоблюстителѣ, тайномъ противникѣ Петра, врагѣ Оеофана и сторонникѣ старой партіи, полновластный Никонъ, по словамъ Тихонравова, смѣнялся угодливымъ іезуитомъ ⁴⁾. Статья о вольнодумцахъ, къ сожалѣнію не оконченная, рисуетъ Стефана въ наиболѣе интересномъ эпизодѣ его дѣятельности - въ продолжительной борьбѣ съ

---

¹⁾ II, 93.

²⁾ II, 118.

³⁾ II, 154--155.

⁴⁾ II, 251.

лѣкаремъ Димитріемъ Тверитиновымъ и его „учениками“, — въ борьбѣ, которой и вызвано было появленіе на свѣтъ „Камня вѣры“. Самое возникновеніе вольподумства было знаменіемъ времени. Въ Москвѣ въ началѣ XVIII вѣка было много людей, которые томились желаніемъ знать, „какъ наша вѣра истинная“, „истинно знать догматы церковные“. Яворскій характеризовалъ эпоху Петровской реформы, какъ время изнеможенія вѣры ¹⁾. Но въ Тверитиновѣ Тихонравовъ видитъ не лютераниствующаго теоретика, не религіознаго только вольнодумца, но представителя либерализма вообще, воспитаннаго временемъ. „Не догма лютеранскаго богословія отвлеченно интересовала Тверитинова; его занимали тѣ новыя условія, въ которыя окончательно вступала русская жизнь съ реформою Петра“ ²⁾. „Въ пылу увлеченія реформой“ онъ „рѣзко порицалъ старый порядокъ вещей, невѣжество и суевѣрія массы и тѣхъ, въ которыхъ, казалось ему, эта старина находила себѣ поддержку“ ³⁾. — Такимъ образомъ, второй томъ сочиненій Николая Саввича Тихонравова является важнымъ пособіемъ для исторіи нашей церкви XVII—XVIII вв.

Въ первой части III тома только одна статья относится къ исторіи русской церкви, вѣрнѣе къ исторіи этой науки: „*Кіевскій митрополитъ Евгений Болховитиновъ*“. Статья не окончена.

Въ сочиненіяхъ Николая Саввича Тихонравова затрогиваются слишкомъ сложные и иногда спорные церковно-историческіе вопросы. При томъ же затрогиваются они нерѣдко мимоходомъ, къ слову: высказывая какой-нибудь выводъ изъ своихъ обширныхъ наблюденій и знаній, нашъ ученый не дѣлится съ читателемъ тѣмъ, что послужило основаніемъ или матеріаломъ для вывода. Отъ того трудно указать сразу значеніе его работъ для исторіи русской церкви. Работы ученыхъ надъ пересмотромъ этихъ вопросовъ покажутъ, въ какой степени цѣнны церковно-историческіе взгляды, или только мысли этого крупнаго и въ высшей степени оригинальнаго ученаго. Но его познанія были на-

1) II, 177, 179.

2) II, 161.

3) II, 216—217.

столько велики, научный методъ настолько выработанъ, а выводы такъ осторожны, что напередъ все это можно считать вкладомъ въ нашу науку. Исслѣдователь прошедшихъ судебъ русской церкви, конечно, обязанъ считаться съ мнѣніями Тихонравова и ввести ихъ въ свою науку. Но при этомъ онъ долженъ помнить, что Тихонравовъ былъ историкъ литературы и разсматривалъ историческія явленія съ своей специальной точки зрѣнія. Его теоріи чаще всего не исчерпываютъ вопроса въ цѣлости и отмѣчаютъ только одну сторону. Введенныя въ науку исторіи русской церкви онѣ по большей части не замѣняютъ ничего и ничего не вытѣснятъ. Но онѣ дополняютъ существующіе въ этой наукѣ взгляды, расширяютъ кругозоръ специалистовъ-работниковъ, помогутъ болѣе полному и глубокому выясненію фактовъ, плохо поддававшихся научному изслѣдованію прежде, и, такъ сказать, освѣжатъ специальную литературу.

Можно пожалѣть, что въ прекрасно выполненномъ изданіи сочиненій Николая Саввича Тихонравова собраны не всѣ его работы. Было-бы очень полезно для исторіи русской литературы и исторіи русской церкви изданіе многочисленныхъ университетскихъ курсовъ Тихонравова, въ которыхъ затрогивались вопросы, слабо разработанные въ наукѣ (напр. объ епитимейникахъ). Потерей также будетъ для науки, если не увидятъ свѣта приготовленные имъ изданія, напр., „Древнія житія преподобнаго Сергія Радонежскаго“, третій томъ „Памятниковъ отреченныхъ книгъ древней Россіи“ ¹⁾.

С.

---

¹⁾ Подробный перечень трудовъ Тихонравова читатель найдетъ въ книгѣ: „Памяти Николая Саввича Тихонравова“. Москва. 1894 г.